

О ТАТЬЯНЕ ДОРОНИНОЙ пишут много. Ей посвящают статьи, рецензии, книги. Дотошные искусствоведы, анализируя образы, созданные актрисой на сцене, в кино, не скупятся на похвалы. Стоящая молва (Ах, Дорониная! Вы видели, какое у нее лицо!) Говорят, она умывается только свежим шестипроцентным молоком... Ох, Дорониная! Рассказывают, перед своей свадьбой с известным драматургом Э. Радзинским она летала в Париж делать прическу... по-разному дополняет эту гимновую полифонию, и в воображении иного зрителя начинает вырисовываться этакая «бронзовая» фигура, которую вот-вот установят на видном месте в Центральном парке культуры и отдыха.

Но на самом деле Татьяна Дорониная — скромный, застенчивый человек. Она почти не пользуется косметикой. Одевается просто, но со вкусом. Избегает встреч с журналистами, под любым предлогом отказывается давать интервью, считая, что актриса должна отвечать на вопросы жизни своей работой, обра-

смерть от ножа Рогожина. И это придает ее образу особый, неповторимый трагизм...

Мы сидим за небольшим столиком в уютном баре Дома журналистов. В чашках дымится кофе. Рядом — только что начата пачка «Шилки». Дорониная с наслаждением затягивается, с минуту молчит, разглядывая раскаленный глазок сигареты, и неожиданно спрашивает:

— Вы любите Цветаеву?

Я молча киваю головой (кто ее не любит?), не сразу соображая, причем тут Цветаева.

— А вы знаете, если бы Настасья Филипповна писала стихи, они были бы такие же, как у Цветаевой: трудные, не с первого чтения понятные, но зато, как жизнь, бездонные, мудрые и честные. Хотите, я вам прочту что-нибудь? Дорониная гасит сигарету и, охватив ладонями плечи, упирается локтями в стол. Не опуская глаз, читает тихим ровным голосом.

Вокруг спуют люди, узнав мою знаменитую собеседницу, останавливаются, не скрывая любопытст-

Требовательной Тая была всю жизнь: и в школе, и в Мхатовском училище, и в театре, спустя десять лет работы с таким выдающимся мастером сцены, как Георгий Товстоногов. Любопытен ее путь в актрисы. Об этом она рассказала мне в этот же вечер.

Как-то, будучи ученицей восьмого класса, Тая увидела на дверях Ленинградского Дома искусства объявление о приемных испытаниях в школу - студию МХАТа. Выдав себя за выпускницу - десятиклассницу, девочка без труда прошла первые два тура творческого конкурса и была направлена в Москву. Какова же была ее радость, когда убежденные сединой преподаватели МХАТа единодушно одобрили ее кандидатуру на третьем, заключительном туре. Оставалось сдать экзамены по общеобразовательным предметам. И Тая сдала их, но в последний момент выяснилось, что одаренной абитуриентке предстоит еще посещать среднюю школу. Ее отчислили. Но через два года Тая Дорониная опять появилась в Москве. Сняв несколько копий с

Татьяна Дорониная
с близкого расстояния

ВЫСШАЯ СЛОЖНОСТЬ

зами, созданными на сцене. И это не кокетство, не желание порисоваться, которое так свойственно многим западным кинозвездам.

Дорониная делается простой, доверчивой, открытой, когда видит, что собеседник не назойлив, не пытается задавать шаблонных вопросов, не затрагивает интимных тем.

Как-то после одной из пресс-конференций мы разговорились с Татьяной. Вспомнили ее Настасью Филипповну, Лушку из «Поднятой целины», фабричную девочку Женьку Шульженко... По тому, с каким восторгом актриса говорила о любимейшей героине Достоевского, я понял: Настасья Филипповна — ее кумир.

— Удивительная женщина. Мне всегда ее очень трудно играть. Я каждый раз боюсь встречи с ней, — призналась актриса.

Она сказала это как-то по-детски и виновато улыбнулась. А мне вдруг вспомнилась сцена из «Идиота»: вызывающе красивая Настасья Филипповна с бледным, неподвижным лицом, на котором, точно молния, сверкают измученные глаза. В них застыл протест, крик истерзанной души, не желающей примирения с уродливой изнанкой жизни. Дорониная исполняет эту роль на таком пределе отчаяния, будто с первой минуты появления на сцене чувствует, что обречена на

ва, разглядывают ее. А Дорониная читает, не переводя дыхания, одно стихотворение за другим. Не замечая любопытных взглядов, на слуха шума. И я понимаю: ее нет здесь в эти минуты. Она где-то далеко, в своих мыслях, мечтаниях.

— Простите, я кажется увлеклась, — неожиданно остановившись, сказала она.

— Пожадуйста, продолжайте. Впервые за свою жизнь увидел Цветаеву другой, настоящей.

— Нет, — устало улыбнулась Татьяна. — Просто она очень разная, сложная. А люблю я ее за то, что она дарит людям радость, уверенность в своих силах. Приходите как-нибудь на концерт. Я читаю Цветаеву с эстрады. Надеваю черные брюки, такой же свитер. Расставляю по сцене несколько стульев и, расхаживая между ними, читаю. Обстановка та же, что и дома, когда я разучиваю роль...

Десятки ролей «высшей сложности» сыграла Дорониная в театре и кино. Она стала знаменита не только в своей стране, но и за рубежом. И все же, одной из самых ощутимых черт ее характера остается неуверенность. Да, да, как ни парадоксально — неуверенность в свои силы, свой талант. И идет это от постоянной высокой требовательности к себе, недовольства всем тем, что она делает на сцене.

аттестата зрелости, она подала заявления сразу во все училища: в ГИТИС имени Луначарского, в Щепкинское училище при Малом театре, в Щукинское училище при театре имени Вахтангова. По несколько экзаменов в день приходилось сдавать ей. И она ни разу не провалилась. В итоге ее зачислили... во все училища.

— Самое трудное было потом объяснить родителям, почему я так сделала, — смеется, вспоминая, Т. Дорониная. — А ведь, уезжая из Ленинграда, я дала слово поступить в театральное училище во что бы то ни стало.

— И не жалеете о том, что стали актрисой? — спрашиваю я.

Она снова закуривает (так легче думать).

— Помните, кто-то верно сказал: «...если можешь не быть актером, то не смейся им быть». Я не смогла.

О многом мы еще говорили в тот вечер. Актриса очень любит путешествовать, ее мечта — объехать всю страну, побывать за границей. Она любит хорошую музыку (симфонию и джаз), готова сыграть в кино нашу современницу, если это будет по-настоящему живой образ.

Вит. ЗАСЕЕВ,
спец. корр. «Смены».
г. Москва.